
ЭКОНОМИКА РОССИИ И РЕГИОНОВ

УДК: 339.13.024; 334.021
JEL: D02, D42, D47

Глобальный кризис как кризис экономического доминирования

А.А. Блохин, д.э.н.

<https://orcid.org/0000-0003-2132-4664>; SPIN-код (РИНЦ): 1514-0938

Scopus author ID: 55496710400

e-mail: andraleks@rambler.ru

Для цитирования

Блохин А.А. Глобальный кризис как кризис экономического доминирования // Проблемы рыночной экономики. – 2023. – № 1. – С. 32-47.

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2023-1-32-47>

Аннотация

В статье на основе теории экономического доминирования в многоуровневой экономике, разработанной автором и его коллегами и опубликованной в более ранних работах, дается объяснение происходящих в глобальной и российской экономиках процессов. Утверждается, что институциональные трансформации в экономике, как правило, происходят в направлении увеличения возможностей получения бизнесом институциональной ренты, которая возникает при лучших, чем у других, институциональных условиях деятельности. Это ведет к качественному и количественному расслоению бизнеса по уровням, называемым в данной теории альфа-бизнес, бета-бизнес, гамма-бизнес. В статье показано, что такое расслоение приводит не только к изменению доходов участников экономики, но и к серьезным изменениям всего экономического оборота, а также к переходу от слабого доминирования к системному доминированию. Утверждается также, что значительную роль в развитии доминирования в экономике играет переход посреднической системы ко все более интегрированному посредничеству и посреднической монополии. Обосновывается, что с переходом экономики к стадии системного доминирования и посреднической монополии риски ее кризиса возрастают. В отличие от глобальной экономики, находящейся именно в таком состоянии, российская экономика лишь частично заражена доминированием и интегрированным посредничеством, что оставляет ей серьезные шансы лучше и быстрее пройти через предстоящий глобальный кризис.

Ключевые слова: *доминирование, институциональная рента, институциональные преимущества, посредническая система, посредническая монополия, кризис.*

Global crisis as a crisis of economic dominance

Andrey A. Blokhin, Dr. of Sci. (Econ.)

<https://orcid.org/0000-0003-2132-4664>; SPIN-code (RSCI): 1514-0938

Scopus author ID: 55496710400

e-mail: andraleks@rambler.ru

For citation

Blokhin A.A. Global crisis as a crisis of economic dominance // Market economy problems. – 2023. – No. 1. – Pp. 32-47 (In Russian).

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2023-1-32-47>

Abstract

Based on the theory of economic dominance in a multi-level economy developed by the author and his colleagues and published in earlier works, the article provides an explanation of the processes taking place both in the global and Russian economies. It is argued that institutional transformations in the economy, as a rule, occur in the direction of increasing the opportunities for businesses to receive institutional rents, which arise under better than other institutional conditions of activity. This leads to a qualitative and quantitative stratification of business by levels, called in this theory alpha-business, beta-business, gamma-business. The article shows that such differentiation leads not only to a change in the incomes of economic participants, but also to serious changes in the entire economic turnover, as well as to the transition from weak dominance to systemic dominance. It is also argued that a significant role in the development of dominance in the economy is played by the transition of the intermediary system to an increasingly integrated mediation and intermediary monopoly. It is proved that with the transition of the economy to the stage of systemic dominance and intermediary monopoly, the risks of its crisis increase. Unlike the global economy, which is in exactly this state, the Russian economy is only partially infected with dominance and integrated mediation, which leaves it with serious chances to get through the upcoming global crisis better and faster.

Keywords: *dominance, institutional rent, institutional advantages, intermediary system, intermediary monopoly, crisis.*

Введение

Про предстоящий кризис много говорят и пишут, но больше о его неминуемости – пузырях, диспропорциях или возможностях его нивелировать. Либо речь в них идет о конкретных проявлениях приближающегося кризиса: растущем протекционизме в мировой торговле, разрыве цепочек поставок, инфляции, падении рынков, рецессии (Доклад Стиглица, 2010; Глазьев, 2016; Котликофф и Бернс, 2005; Балацкий, 2022; Яковец, 2020). Разброс оценок последствий кризиса в них: от самых «катастрофических» до «обыкновенных» для последних глобальных кризисов 1997-1998, 2001, 2008-2009 годов. Описание кризисных сценариев можно увидеть не только в научной литературе, но уже и в официальных документах (Основные направления единой денежно-кредитной политики на 2022 год и период 2023 и 2024 годов, 2022; Указ Президента РФ № 229 от 31 марта 2023 г. «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»).

Структура последствий тоже «разнообразна»: от разрушения однополярного мира с потерей доминирования США и коллективного Запада до очередного перекалывания глобальных потерь из-за кризиса на бедные и средние страны и слои населения. Точных ответов на вопросы о кризисе нет и, наверное, быть не может, поскольку прогнозировать можно лишь регулярные или хоть в чем-то повторяющиеся процессы, а историческая «уникальность» текущей ситуации вызывает все меньше возражения. Остается выбирать для прогноза отдельные аспекты, которым мало уделяется внимания. Одной из удобных характеристик для этого представляется тема доминирования, создающая хорошую точку опоры для понимания причин кризиса, его разворачивания и предстоящих последствий.

В статье предлагается авторский взгляд на механизмы этого процесса, основывающийся на теории экономического доминирования в многоуровневой экономике, а также разработанной автором ранее теории посреднической монополии.

Основные положения теории экономического доминирования сформулированы автором и его коллегами в публикациях последних лет¹. В них доминирование увязывается с расслоением экономических субъектов по уровням иерархии, разделенным институциональными барьерами. Такое расслоение опирается на получение институциональной ренты за счет лучших институциональных условий, в которых действует соответствующий бизнес. Бизнес, заинтересованный в таких доходах, затрачивает дополнительные усилия на установление и закрепление барьеров, он влияет на государство и посредническую систему, выстраивает свои организационные структуры, ценовую и маркетинговую политику так, чтобы исключить возможность для претендентов попасть в занятую им привилегированную зону рынка. В работах П. Бурдые, Н. Флигстина, В. Радаева такой механизм называется «концепцией защиты рынка» (Бурдые, 2005; Флигстин, 2013; Радаев, 2001).

В теории экономического доминирования предложено называть сложившиеся уровни иерархии: альфа-бизнес, бета-бизнес, гамма-бизнес (иногда возможно и более дробное деление, но при этом общая теоретическая схема сохраняется). Первые совместно с государством формируют институты и получают большую часть институциональной ренты. К ним относятся уникальные, как правило, глобальные компании. Вторые пользуются предоставленными им институциональными преимуществами и масштабируют их рыночные эффекты, превращаясь в лидеров отдельных рынков, отраслей, сфер деятельности или регионов. Третьи – это все остальные компании.

Ключевые институциональные преимущества, согласно данной теории, связаны с доступом разного бизнеса к качественным ресурсам: дешевому финансированию, господдержке, разрешениям на занятие определенными видами деятельности или на использование регулируемых ресурсов, доступу к технологиям и прочим видам ресурсов. Различия в доступе к ресурсам могут появляться и в ходе рыночной конкуренции, но со временем закрепляются институциональными способами и превращаются в устойчивые институциональные преимущества.

Теория посреднической монополии была разработана автором статьи более 20 лет назад для описания логики развала советской экономики и ее новой «сборки» в России на основе создаваемой заново посреднической системы². Позднее ее выводы были обобщены на глобальную экономику, логика кризиса которой во многом повторяет закат советской экономики³. Оказалось, что положения теории посреднической монополии очень естественно встраиваются в теорию экономического доминирования, дополняя ее и создавая их новый, более органичный синтез.

Применение названных теорий для понимания надвигающегося кризиса дало автору повод к обобщению и самих теорий, и представлений о глубоких трансформациях, происходящих в настоящее время в глобальной и российской экономиках.

---

¹ См.: Блохин, А.А. (2019), “Институциональная рента в многоуровневой экономике”, *Проблемы прогнозирования*, № 4 (196), с. 16-26.

Блохин, А.А., Ломакин-Румянцев, И.В. и Наумов, С.А. (2019), “Альфа-бизнес на российском продовольственном рынке”, *Экономические стратегии*, № 6, с. 68-77.

Вертоградов, В.А. (2020), “Рыночные стратегии альфы, беты и гаммы в контексте теории экономического доминирования”, *Экономические стратегии*, № 2, с. 50-53, DOI: 10.33917/es-2.168.2020.50-53.

² Блохин, А.А. (2002), *Институциональные условия и факторы модернизации российской экономики*, МАКС-ПРЕСС, М., 202 с.

³ См.: Блохин, А.А. (2007), “Раздел 3. Институциональные условия и факторы экономического развития”, *Прикладное прогнозирование национальной экономики: учебное пособие*, под ред. В.В. Ивантера, И.А. Буданова, А.Г. Коровкина, В.С. Суягина, Экономистъ, М.

Блохин, А.А. (2016), “Глобальная экономика в переходном состоянии”, *Экономические стратегии*, № 5, с. 30-43; продолжение в № 6, с. 6-19.

Системное доминирование vs институциональное равновесие

Широкое развитие доминирования в многоуровневой экономике не только меняет структуру доходов ее участников, в пользу находящихся на верхних уровнях иерархии, оно постепенно ведет к качественной трансформации всей экономики, ее воспроизводственных контуров и системы управления.

По мере формирования устойчивых каналов получения институциональной ренты она становится все более значимым способом перераспределения общественного богатства, а институты – механизмом такого перераспределения. Перестраиваются не только отдельные рынки, но и структура стоимостного оборота в экономике. Это связано с тем, что институциональная рента концентрируется у крупных компаний, использующих ее по собственному усмотрению (в том числе в результате диалога с государством, например, в решениях о бюджетном или налоговом маневре, дополнительных налоговых взносах и т.п.), например, для масштабирования или реорганизации собственной деятельности, развития инфраструктуры рынка, внедрения передовых технологий, лоббирования изменений институтов. Такие расходы часто выглядят как инвестиции лидеров в прогресс: технологический или социально-экономический. Так, в теории экономического доминирования Фр. Перру (Perroux, 1950; Перру, 1961) утверждается, что лидеры рынка, создавая «полюса роста», оказывают благотворное влияние на его периферию. Однако, в отличие от теории Фр. Перру, в авторской теории экономического доминирования в многоуровневой экономике допускается, что «полюса роста» со временем превращаются в «черные дыры» экономики, проедаая ресурсы развития отраслей или регионов. Когда и почему происходит перерождение, определить трудно, но такие примеры многочисленны, и именно такой переход, если он распространяется по отраслям и рынкам, становится условием движения экономики к кризису.

Соответственно, задача оценки прямых и косвенных, положительных и негативных эффектов установления альфа-бета-гамма иерархии в экономике требует серьезной постановки и выработки подходов к решению. Традиционные модели воспроизводства в экономике такие эффекты не улавливают и не учитывают.

Формирование многоуровневой иерархии на основе институциональных различий влияет не только на макроэкономические изменения стоимостного оборота, но и на микроэкономические трансформации.

Доминирующий и «доминируемый» (то есть находящийся под влиянием первого, уступающий ему институциональную ренту) бизнес отличаются не только по размеру, но и по структуре своих издержек. Последние, например, для бета- и гамма-бизнеса отягощены обслуживанием ранее взятых кредитов на худших условиях и «памятью» о нереализованных улучшениях в бизнесе, то есть худшими технологиями и ноу-хау.

В результате такого разделения возникают эффекты структурно-неоднородного развития экономики, ее отраслей, регионов в разрезе альфа-, бета- и гамма-бизнеса. Факторы роста каждого из этих уровней должны проявляться по-разному. Даже если сами факторы: труд, земля, капитал, технологии – одноименные, то «производственная функция» у них может быть различной (оценки значимости таких различий даны, например, в статье автора совместно с Р. Гридиным и М. Головань⁴), что создает очень объемную картину для управления экономическим ростом. И наоборот, инвестиции или труд, земля, технологии будут по-разному влиять на развитие бизнеса разного размера в отраслях и на отдельных рынках.

У бизнеса разного уровня различается и мотивация экономической деятельности. Так, альфа-бизнес, в отличие от бета- и гамма-бизнеса, становится заинтересован не столько в росте рыночного эффекта своих компаний, сколько в приращении институциональной ренты. Такой эффект требует серьезного анализа для отраслевого и макроэкономического прогнозирования. В зависимости от того, какой уровень бизнеса становится основным драйвером роста, его

---

⁴ Блохин, А.А., Головань, М.В. и Гридин, Р.В. (2023), “Вклад крупных, средних и малых компаний в отраслевую динамику”, *Проблемы прогнозирования*, № 1 (196), с. 78-89, DOI: 10.47711/0868-6351-196-78-89.

Блохин, А.А. и Лихачев, А.А. (2022), “Влияние институциональных факторов на экономическую динамику в регионах”, *Экономические и социальные изменения: факты, тенденции, прогноз*, т. 15, № 4, с. 60-73, DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.4.

государственное регулирование тоже должно различаться. Альфа-, бета- и гамма-бизнес по-разному чувствительны к регулирующим мерам. В работах автора со своими коллегами показано, что вклад крупного, среднего и малого бизнеса существенно различается по отраслям и в регионах. Такая дифференциация зависит от устойчивости лидерской группы компаний, от наличия в ней отечественных или зарубежных глобальных компаний, от аффилированности с ней компаний среднего слоя бизнеса и ряда других факторов.

Подобный анализ имеет не только прикладной аспект, но и методический. Чтобы корректно сравнивать (или суммировать, оценивать средние значения) показатели выпуска и издержек соответственно альфа-, бета-, гамма-бизнеса, необходимо быть уверенным, что они определены в единой методике. Однако, как уже показано выше, условия финансирования, господдержка (и как предоставление субсидий, и в форме налоговых льгот), вмененные бизнесу социальные и политические обязательства, внутрифирменный оборот и перенос прибыли и издержек по цепочкам поставок, другие институционально обусловленные причины в разной мере включены в показатели издержек, прибыли, объемов выпуска и другие показатели крупного, среднего и малого бизнеса. В идеале сравнивать стоимостные показатели альфа-, бета- и гамма-бизнеса можно, лишь приводя их к теоретически равным или одинаково меняющимся во времени институциональным условиям. Аналогично сравнивать, какие инвестиции в средний или крупный бизнес принесут больший эффект, нельзя без учета их разницы в институциональных условиях. Для этого нужно было бы «доставить» неучтенный из-за институциональных причин оборот на каждом уровне. Представляется, что такая задача пока вряд ли может быть корректно решена, но ее постановка необходима для будущих исследований.

Понимание структурно- и институционально-неоднородного роста в экономике позволяет модифицировать подходы к прогнозированию отраслевой и макроэкономической динамики. В ряде статей автора с коллегами показано, что институционально различающиеся группы бизнеса вносят разный вклад в отраслевую или региональную динамику⁵. Например, такая динамика может складываться из разнонаправленного движения лидеров рынка и основной массы компаний. Динамика группы лидеров, в соответствии того, являются ли они глобальными игроками, крупными федеральными, отраслевыми или региональными компаниями, должна прогнозироваться в зависимости от внешних рынков, на которых они работают, а остальная масса компаний – в зависимости от факторов данного рынка. Такой прогноз нужно строить отдельно, а в некоторых случаях в сценарной форме.

Примеры анализа рынков в зависимости от присутствия или прихода на них крупных игроков предложены в ряде работ (Манченко, 2020; Лагунцов, 2022; Часовиков, 2021; Клейнер, 2004; Цветков, 2011), а в также других исследованиях конкретных рынков, представленных на сайте Матрица SV (strength vs variety)⁶.

Таким образом, институты, являясь механизмами перераспределения стоимостного оборота, вносят искажения как в сигналы рынка, так и в цели развития экономических субъектов, долгосрочные обязательства и ориентиры их будущего развития, подменяя рыночный оборот движением институциональной ренты. Кругооборот с растущей в нем долей институциональной ренты тоже может быть равновесным, как и «чисто рыночный», но в любом случае в нем будут расти эффекты асимметрии информации. Подчеркнем, что Теория экономического доминирования в многоуровневой экономике позволяет дать им единое объяснение и увязать асимметрию информационных потоков в текущем обороте товаров и в долгосрочных целях и обязательствах через институциональное неравенство и институциональную ренту.

---

⁵ См., например:

Блохин, А.А. и Гридин, Р.В. (2021), “Институциональные факторы в экономических прогнозах”, *Проблемы прогнозирования*, № 5 (188), с. 18-28, DOI: 10.47711/0868-6351-188-18-28.

Блохин, А.А. и Лихачев, А.А. (2022), “Влияние институциональных факторов на экономическую динамику в регионах”, *Экономические и социальные изменения: факты, тенденции, прогноз*, т. 15, № 4, с. 60-73, DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.4.

⁶ См.: МАТРИЦА SV (strength vs variety), доступно по адресу: <http://svmatrix.online/ru/>.

Чем глубже становятся различия между альфа-, бета- и гамма-бизнесом, тем сильнее такие искажения, вплоть до «навязывания» искаженных представлений о будущем. В последнем случае обществу и бизнесу «продаются» финансовые, политические, социальные обязательства, далеко не всегда подкрепленные реальными ресурсами⁷, либо попросту иллюзии и лживые обещания. Чем сильнее эти искажения, тем больше усилий необходимо потратить государству, бизнесу и обществу на восстановление институционального равновесия. Оно достигается разными способами: от компенсации потерь социально незащищенным группам населения и малому бизнесу (например, регулирование цен на пригородные электрички, социально значимые товары, жизненно важные лекарственные средства, обеспечение доступа малому бизнесу к госзаказам и другие) до коррекции социальных стереотипов, идеологических норм, ценностных установок.

В общем случае, вероятно, можно утверждать, что экономическая система развивается от слабого доминирования к сильному. Но когда оно становится чрезмерным, наступает кризис, эта система разрушается или трансформируется, и цикл повторяется вновь.

Можно условно выделить три стадии развития доминирования:

- Слабое (на этой стадии доминирование может присутствовать, но разнонаправленное, хаотичное, нерегулярное).
- Интенсивное (на этой стадии формируются сильные «игроки», устойчиво доминирующие на отдельных рынках, в отраслях, сферах экономики).
- Системное (на этой стадии доминирование разных игроков сливается в единую систему и выделяется ядро экономики, доминирующее над всей остальной экономикой).

Доминирование в экономической системе может усиливаться и превращаться в системное доминирование из-за следующих причин:

Во-первых, эффект «прилипания»: доминирование, возникнув в отношении доступа для бизнеса к одним видам качественных ресурсов, дает этому бизнесу лучшие конкурентные условия в доступе к другим качественным ресурсам. Круг доступных для альфа-бизнеса качественных ресурсов расширяется пока не будет охвачен полностью.

Во-вторых, «притяжение» альфа-компаний друг к другу: коммуникации между альфами устанавливаются легче, быстрее, с меньшими издержками, поэтому система транзакционных издержек тоже «расслаивается» на зоны более низких, средних и более высоких. Они становятся не только количественно, но и качественно разными.

В-третьих, усиление взаимной поддержки государства и крупного бизнеса: государственное регулирование «расслаивается», его меры фокусируются на разных уровнях бизнеса в соответствии с восприимчивостью альфа-, бета- и гамма-бизнеса к ним. Взаимная поддержка оборачивается зависимостью, например, государство может давать большие льготы именно крупному бизнесу в расчете на рост налоговых поступлений от него и организует с ним, например, диалог о налоговом маневре.

В-четвертых, распространение иерархии на все более широкий спектр смежных с экономикой сфер деятельности: социально-экономических, общественно-политических, информационных, культурно-идеологических и даже научно-теоретических процессов. Доминирование закрепляется в них как норма. Например, в социальной сфере усиливается социальная стратификация, возникают «стеклянные потолки» в карьере, сокращаются возможные социальные лифты.

В-пятых, смещение доминирования от управления текущими процессами к управлению «будущим»: крупные экономические игроки определяют цели общества, формируя и «продавая» обществу обязательства (финансовые, политические, социальные, технологические, идеологические) по их достижению. Цели общества подменяются целями крупнейших компаний («... что выгодно Форду, то выгодно Америке...»). Возможно, в предстоящем будущем проще найти или сформировать «голубые океаны» (Моборн и Ким Чан, 2020) и застолбить на неизвестных рынках свои права на новые рыночные пространства и «последнюю

⁷ См.: Блохин, А., Ломакин-Румянцев, И. и Вертоградов, В. (2020), «Фондовые пузыри искажают будущее», *Ведомости от 24.07.2020*.

милю»⁸ в производственно-технологических цепочках, чтобы потом продавать бета- и гамма-бизнесу разрешение встроиться в эти цепочки.

Таким образом, предпочтения порождают новые предпочтения. В результате отдельные случаи и механизмы доминирования соединяются, и оно постепенно превращается в системное доминирование. При этом чем сильнее доминирование, тем больше оно искажает исходное рыночное равновесие и потоки стоимостного оборота, и тем больше государство и крупный бизнес (а затем и общественные силы) вынуждены выстраивать механизмы компенсации этих искажений. Провалы рынка порождают «провалы государства» и наоборот. Рыночному равновесию приходит на смену институциональное равновесие, которое достигается как сбалансированный кругооборот стоимости, включающей институциональную ренту. При этом «доля» институциональной ренты в нем может расти и ее «порции» укрупняться, что повышает риски устойчивости экономики. Когда институциональное равновесие нарушается, наступает кризис.

Система доминирования «управляет» потоками институциональной ренты, и чем сильнее доминирование, тем большую долю экономического оборота она, эта система, перераспределяет. Сначала просто меняет пропорции межотраслевых потоков, структуры затрат, пропорции доходов, а на более высоких стадиях доминирования меняет саму логику воспроизводственного оборота, формирует новые контуры его движения. В частности, благодаря ей происходит концентрация институциональной ренты в руках альфа-бизнеса (и в меньшей степени бета-бизнеса), который использует ее на свои цели: развитие своего бизнеса и рынков, трансформацию рыночной инфраструктуры, технологический прогресс, социальные и экологические преобразования, или, что тоже нередко бывает, просто проедает, растрчивает полученный доход.

Когда цели таких расходов не одобряются государством и обществом, может наступить кризис. Крупный бизнес, государство и институты гражданского общества заинтересованы в поддержке институционального равновесия, то есть такого состояния институтов, при котором даже высокий уровень изъятия институциональной ренты позволяет согласовать (в динамике) интересы крупного, среднего и малого бизнеса, различных групп населения, государства и других крупных и влиятельных участников экономики. Например, малый и средний бизнес могут быть заинтересованы в инвестициях крупного бизнеса в развитие инфраструктуры рынка, в создание им общественных или саморегулируемых организаций, лоббирующих интересы отрасли. Крупный бизнес часто берет на себя социальные или даже политические расходы в интересах государства. Вопрос в том, чтобы сложные прямые и косвенные эффекты этих расходов отвечали балансу интересов в экономике и в обществе.

Преимущества интенсивного вложения сил и средств в достижение целей очевидны, но и риски ошибок их определения и выбора путей достижения возрастают. Можно предположить, что развитие системы доминирования сопровождается «встречным» снижением эффективности в экономике. Чем больше контролируемый оборот институциональной ренты и распространение связанных с ней стратегий рентоискательства, тем меньше сфера рыночной эффективности, больше вероятность провалов рынка. На высоком уровне развития системы доминирования провалы рынка становится труднее компенсировать государственным регулированием. В результате растет риск, что провалы рынка и провалы государства будут дополнять друг друга, а не компенсировать. Тогда – застой, а затем и кризис неизбежны.

Посредническая монополия

Если рассматривать доминирование в плоскости субъектов экономики, то можно обнаружить дополнительные механизмы его усиления и закрепления.

Во-первых, развитие системы доминирования от слабого к сильному сопровождается изменением состава участников экономической деятельности. Прежде всего, создаются качественно разные виды компаний: альфа-, бета- и гамма-бизнес. Этот аспект уже разобран выше, поэтому не будем на нем останавливаться. Отметим лишь, из-за этого меняется и вся система коммуникаций между субъектами: как вертикальные связи между альфа- и бета-, или

---

⁸ Термин предложен С.А. Наумовым в одном из устных обсуждений.

гамма-бизнесом, так и горизонтальные. На более высоких уровнях иерархии транзакционные издержки и риски ниже. Информационная асимметрия тоже «работает» в пользу более высоких уровней бизнеса.

Во-вторых, доминирование реализуется через субъектов, создающих и усиливающих доминирование – посредническую систему и государство. Их иерархия при этом тоже усиливается. Так, руководство крупных финансовых, информационных, торговых и иных посреднических структур предпочитает взаимодействовать с альфа-компаниями реального сектора и высшим политическим руководством страны, в которой они функционируют. Коммуникации с бета-уровнем реального бизнеса и более низкими уровнями власти они «отдают» либо своим подразделениям, филиалам, зависимым структурам, либо банкам меньшего размера.

В-третьих, доминирование в официальной, открытой части экономики сопровождается созданием иерархически организованной теневой экономики, охватывающей значительную часть системы коммуникаций и играющей заметную роль в создании институтов. Однако здесь мы эту тему опускаем, признавая важность, но не имея возможности дать ее качественный анализ, и откладываем на будущее. Отметим лишь, что «мафия» появляется, когда преступный мир плотно взаимодействует с высокоуровневыми политиками и крупными бизнесменами. Организованная преступность соответствует бета-уровню в официальной открытой экономике и в управленческой иерархии. Мелкая преступность больше похожа на гамма-уровень в экономике и низшие уровни иерархии в управленческих вертикалях власти.

В-четвертых, доминирование усиливает дифференциацию и стратификацию потребителей как по доходам, так и качеству доступных товаров и услуг – «богатые богатеют». Этому аспекту уделено большое внимание в экономической литературе (Райнерт, 2011; Стиглиц, 2015; Капелюшников, 2017). Следовательно, происходит более четкое обособление сфер оборота качественных и массовых ресурсов, доступ к которым определяет формирование иерархии альфа-, бета- и гамма бизнеса.

Второй из перечисленных пунктов – о государстве и посреднической системе, заслуживает более подробного рассмотрения. Роль государства в создании институтов обычно не вызывает сомнения, хотя при этом недооценивается его «обратная» зависимость от альфа-бизнеса. В общем случае вряд ли можно оценить, в какой мере государство выстраивается под воздействием крупнейшего бизнеса, а в какой оно самостоятельно строит институты, способствующие формированию крупного бизнеса. В разные времена и в разных ситуациях, вероятно, имеет место преимущественное движение в одну или в другую сторону. В меньшей степени изучено взаимное влияние крупнейшего бизнеса, государства и посреднической системы. Представляется, что роль последней в формировании институтов и институциональных условий развития экономики в экономической литературе существенно недооценивается.

Если описывать посреднический сектор как совокупность организаций, то к нему относятся все банки, финансовые, инвестиционные, страховые, торговые структуры, информационные, консалтинговые компании, рейтинговые агентства, физические и юридические лица, предоставляющие юридические услуги, и многие другие аналогичные организации, обслуживающие оборот реального сектора. Более общее определение посреднической системы можно дать как совокупности организаций, обслуживающих транзакционные услуги в экономике. В этом случае обычно противопоставляется реальный и транзакционный сектора экономики (Аузан и др, 2011; Шаститко, 2002).

Такое определение не совсем точное. В ряде публикаций автор обосновывает, что советская экономика на поздних этапах своего развития превратилась в посредническую монополию⁹. При этом основу такой системы составлял костяк государственных экономических ведомств: Госплан СССР, Госснаб СССР, Госбанк СССР, Госкомцен СССР,

---

⁹ См.: Блохин, А.А. (2007), «Раздел 3. Институциональные условия и факторы экономического развития», *Прикладное прогнозирование национальной экономики: учебное пособие*, под ред. В.В. Ивантера, И.А. Буданова, А.Г. Коровкина, В.С. Суягина, Экономика, М.

Блохин, А.А. (2016), «Глобальная экономика в переходном состоянии», *Экономические стратегии*, № 5, с. 30-43; продолжение в № 6, с. 6-19.

экономические отделы ЦК КПСС. В этом случае в посредническую систему нужно включать и государство. В современных развитых государствах аналогичная ситуация. Государства в значительной мере берут на себя функции продвижения своих компаний на внешние рынки, выполняют другую работу, по сути, посредническую. Даже на микроуровне руководитель департамента какого-то ведомства, собирая совещание с участием представителей бизнеса для выработки решения по развитию рынка, фактически реализует для него посредническую функцию. Подобная деятельность не отражается в экономических показателях, не входит в расчет ВВП. Если бы ее делали, например, банкиры, то при тех же результатах, они включили бы свои расходы и доходы от этих услуг в экономические показатели. «Досчитать» в экономике весь неявный посреднический оборот, обслуживаемый государством, и объем этих услуг не представляется возможным, но для теоретических построений нужно понимать, что он существует и, вероятно, имеет значительный объем. В определенной мере он проявляется в коррупции, но и она далеко не полностью его охватывает.

В пользу включения государства в посредническую систему можно привести также теорию «принципал-агент» в дихотомии отношений «политик-чиновник» (Frederickson и др. 2012). В ней чиновники, то есть государственная бюрократическая система, рассматриваются как агенты государственной политической системы. Последняя ставит цели и подотчетна обществу. Первая становится посредником в их достижении и отвечает перед принципалом, то есть политическим государством. При таком рассмотрении государство в своей неполитической части должно включаться в посредническую систему экономики.

В теории посреднической монополии (см. выше) показано, что посредническая система проходит в своем развитии ряд стадий: от единичного посредничества к интегрированному и далее к посреднической монополии. Мотивом такого движения становится снижение затрат на посреднические операции при увеличении их масштаба. Такое увеличение происходит по линиям концентрации партий товаров, комплектации линейки схожих товаров с их доводкой (доработкой) под нужды потребителей, формированию комплексных услуг по финансированию, страхованию, логистике, информационному обслуживанию, инвестициям и прочим услуг, созданию экосистем и прочим аналогичным направлениям. В результате такого масштабирования посреднической деятельности потребитель постепенно «обволакивается» со всех сторон единой посреднической системой – посреднической монополией.

Посредническая монополия – это ситуация, при которой производитель продукции или услуг получает все посреднические услуги от единой посреднической системы. Такое положение в жизни практически недостижимо, как модель «идеального газа» в физике, но если не «все», а «почти все» посреднические услуги предоставляются единой системой, то ее положительные и негативные свойства проявляются практически с той же силой, как в «идеальной модели».

На высших стадиях своего развития (как это и произошло в советской экономике) посредническая система «обволакивает» каждое предприятие по всему спектру его взаимодействий с другими экономическими субъектами: снабжению и сбыту товаров, инвестициям, получению научно-технологической или конъюнктурной информации, привлечению кадров и другим направлениям.

Посредническая монополия все лучше и дешевле делает свою все более стандартизованную посредническую работу, отвергая и иногда жестко запрещая альтернативное посредничество. Так, в советское время преследовались маклеры жилищного «рынка», «фарцовщики», «спекулянты», перепродававшие товары. Институциональная ловушка такой системы заключается в том, что любое серьезное отклонение от сложившейся посреднической индустрии требует повышенных, а иногда запретительно высоких транзакционных издержек. Поэтому посредническая монополия прекрасно поддерживает инерцию, но препятствует изменению целей экономических субъектов, потребительских предпочтений и технологическому прогрессу.

Посреднический сектор формирует множество правил для бизнеса, причем дифференцированных для разных групп бизнеса. Выделяются VIP-клиенты, упрощенные процедуры и привлекательные условия для клиентов альфа-уровня. Часто при этом можно указать на рыночные факторы привилегий, например, меньшие риски или более низкие

издержки при больших объемах операций, но значительная часть из них закрепляется институционально. В частности, рейтингами, списками недобросовестных клиентов, методиками оценки кредитоспособности, правилами страхования, допуском на биржи и т.п. Поэтому посредническая система усиливает качественное и количественное расслоение бизнеса по уровням иерархии. Это проявляется в следующем:

– во-первых, в том, что банки и другие посреднические организации вводят и закрепляют лучшие стандарты обслуживания VIP-клиентов, предлагают им более дешевые и более качественные услуги. Повторное и дополнительное обслуживание для альфа-бизнеса обходится дешевле уже потому, что этот «статус» за ним закреплён.

– во-вторых, банки и другие посреднические организации, обслуживая оборот крупных клиентов, получают базу для более дорогого финансирования бета- и гамма-бизнеса. В результате формируются устойчивые контуры перелива средств (это один из каналов институциональной ренты) от бета- и гамма-бизнеса к альфа-бизнесу. Этот перелив организуют для него банки и другие посредники.

– в-третьих, альфа-бизнес, получив, например, более дешевое финансирование, в последующем несет меньшие издержки на обслуживание своих долговых обязательств. Лучшие, чем у бета- и гамма-бизнеса, параметры балансов позволяют ему демонстрировать более высокую прибыльность и получать новое финансирование.

– в-четвертых, как уже показано выше, для разных типов коммуникаций существенна разница в транзакционных издержках. Возможно, наоборот, именно посредническая система заинтересована создавать и объединять альфы, дифференцировать условия для VIP- и не VIP-клиентов. Она так создает более сложный и более дорогой посреднический продукт.

Вероятно, институты и правила сначала просто закрепляют рыночные преимущества взаимодействия с крупными, надежными и более выгодными клиентами, но со временем созданные барьеры усиливаются, правила вовремя не пересматриваются, преференции окостеневают.

Главное при этом, что возникает эффект «круговой поруки»: банки оценивают клиента по рейтингам, государство дает аккредитацию компаниям или лицензирует их, в том числе по их кредитной истории, Центральный банк включает их облигации в ломбардный список при условии рыночной устойчивости. В «обязательный» набор первоклассной компании входят всевозможные признаки: аудит у четверки аудиторов, страховки от лучших страховых компаний, соблюдение ESG-критериев, включение в списки структурообразующих компаний и банков, в списки банков, допущенных к операциям, например, для участия в госзакупках по 44-ФЗ и многие другие. Войти в круг избранных компаний и стать «поставщиком королевского двора» означает самостоятельно преодолеть множество отдельных барьеров либо требует, чтобы компанию ввела в свой круг какая-то из альфа-компаний. Часто бывает так, что растущую бета-компанию просто поглощает альфа-компания.

Эффект «круговой поруки», окружающих альфу посреднических организаций, приводит к тому, что ее транзакционные издержки существенно ниже, чем у тех бета-компаний, которые имеют меньше преференций от банков и других посреднических компаний. Альфа-бизнес заинтересован в том, чтобы посредническая система, точнее, ее ядро, состоящее из крупных банков, рейтинговых агентств, аудиторских, инвестиционных, страховых и других организаций, создавали для него каналы получения институциональной ренты. В свою очередь, посредническая система, создавая для альфа-бизнеса привилегированную зону низких транзакционных издержек, получает от этого свои выигрыши. Так, обслуживая крупных игроков банки, пользуются их средствами на счетах для финансирования бета- и гамма-бизнеса по высоким ставкам. Аналогичные выигрыши получают и другие посредники, привлекая на свой рынок лучших клиентов. В результате альфа-бизнес и крупные посреднические организации заинтересованы друг в друге, помогают друг другу получать дополнительный доход от своего привилегированного положения (то есть, институциональную ренту). Система доминирования укрепляется, а посредническая система постепенно превращается в посредническую монополию.

В указанных выше работах автора показано, что советская экономика достигла очень высокой стадии монополизации посреднической сферы, охватившей систему центральных

экономических ведомств государства. Такая система привела ее к застою и кризису советской экономики. Ее разрушение в конце 80-х – начале 90-х послужило причиной необходимости создания новой посреднической системы практически с нуля. Похожая ситуация складывается к настоящему времени в глобальной экономике, которая может повторить кризис советской экономики.

Государство и посредники влияют на создание альфа-бизнеса, и наоборот, альфа-бизнес, воздействуя на государство и посреднические инфраструктуры, влияет на создание и трансформацию институтов. Таким образом, процессы усиления доминирования поддерживают друг друга и в определенной степени «синхронизируются». Можно с высокой степенью уверенности утверждать, что выделенные выше стадии усиления доминирования и стадии развития посреднической системы примерно соответствуют друг другу как в содержательном плане, так и по времени возникновения (см. таблицу 1).

Таблица 1 / Table 1

**Соответствие стадий развития доминирования и посреднической системы
в экономике / Correspondence of the stages of development of dominance and intermediary
system in the economy**

Стадии усиления доминирования	Стадии развития посреднической системы
Слабое	Единичное посредничество
Сильное, интенсивное	Интегрированное посредничество
Системное	Посредническая монополия

Источник: / Source: составлено автором / compiled by the author.

Следовательно, стадии системного доминирования и посреднической монополии примерно соответствуют друг другу. По мере перехода к системному доминированию происходит слияние государства, альфа-бизнеса и посреднической системы и устанавливается посредническая монополия.

Кризис доминирования

В соответствии с описанной выше теорией экономического доминирования, ряд тенденций в развитии экономики могут вести к ее системному кризису. Среди них можно выделить следующие основные:

1. Увеличение количественного и качественного разрыва между альфа-, бета- и гамма-бизнесом. Такой разрыв проявляется в установлении и углублении барьеров между более и менее привилегированными зонами рынка и ведет к снижению эффективности как альфа- и бета-бизнеса (по мере смещения их стратегий от продуктивности к рентоискательству), так и бета- и гамма-бизнеса (по мере снижения их доступа к качественным ресурсам).

2. Усиление доминирования и постепенный переход к системному доминированию. Следствием становится то, что все большая часть ресурсов, особенно качественных, расходуется на получение институциональной ренты. В результате цели экономических субъектов искажаются, их стратегии и обязательства направляются на достижение навязанного обществу и все менее привлекательного будущего.

3. Растут риски неустойчивости экономики. Управление все более концентрированными потоками институциональной ренты и восстановление равновесия в экономике требуют все больших усилий, приводя к возрастанию роли государства, смещению рисков от провалов рынка к провалам государства.

4. Растут риски нерационального использования институциональной ренты. Выстроив жесткие барьеры входа в привилегированную зону рынка и теряя объективность в выборе целей развития, альфа-бизнес все более расходует собранную им институциональную ренту не на прогресс в развитии каких-то сфер экономики или общественной жизни, а на нерациональное потребление или «ошибочные» проекты. В результате повышается дифференциация общества и растет концентрация богатства в узком его слое.

5. Превращение посреднической системы в посредническую монополию. Ее главный недостаток состоит в том, что она все лучше делает все менее нужную для экономики посредническую работу. Любые альтернативные цепочки операций не выдерживают с ней конкуренции, а новые продукты, технологии, сферы деятельности требуют чрезмерно высоких транзакционных издержек, поскольку новая кооперация для них должна создаваться опытным путем. Поэтому посредническая монополия все более сдерживает технический и любой другой прогресс, сохраняя его лишь в удобных для себя рамках.

6. Изменение состава субъектов крупнейшего бизнеса. По мере усиления доминирования и созревания в экономике посреднической монополии происходит смещение альфа-бизнеса от реального сектора к посредническому. Банки, инвестиционные, информационные компании становятся альфа-бизнесом вместо машиностроительных, нефтяных, металлургических компаний. Финансовые, а теперь и цифровые элиты все более доминируют над производственными, техническими, культурными, научными элитами. Увеличение финансового оборота ради самого финансового оборота превращается в более важную цель, чем развитие реального сектора. В результате создаются условия для появления и «раскручивания» финансовой пирамиды в масштабах всей экономики – национальной или даже глобальной.

7. Смещение целей развития от реальных к иллюзорным. С усилением доминирования в экономике и обществе развивается социально-экономический застой. Точнее, такой застой проявляется на фоне все более динамичной деятельности в финансовой сфере, цифровых платформах, в государственном регулировании, в информационно-идеологической и военной сферах жизни.

Перечисленные тенденции являются необратимыми, поддерживают и усиливают друг друга. Похожие процессы можно было выявить в советской экономике в 70-е и 80-е годы. Представляется, что все перечисленные условия для кризиса доминирования уже созрели и в глобальной экономике. Некоторые дополнительные аргументы для таких утверждений представлены в указанных выше работах автора¹⁰.

В силу этого глобальный кризис станет, прежде всего, кризисом посреднической системы и механизмов государственного регулирования экономики, особенно на наднациональном межгосударственном уровне. По мере выстраивания новых посреднических и регулирующих институтов будут все сильнее действовать высвободившиеся силы и стимулы развития реального сектора, технологического прогресса, социальной динамики.

Для России данная ситуация выглядит по-особенному. С одной стороны, ее экономика прошла собственный кризис доминирования в конце 80-х – начале 90-х годов, избавилась от прежних и еще не очень глубоко утонула в новых ловушках, связанных с расслоением по уровням, и поэтому имеет внутренний запас прочности. С другой, за прошедшие три десятилетия российская экономика и система государственного регулирования смогли выстроиться лишь частично независимыми от глобального доминирования и глобальной посреднической системы. На российских внутренних рынках в значительной мере доминирует зарубежный альфа-бизнес, приобретающий здесь свою институциональную ренту, выводя ее из российской экономики. Даже крупные металлургические и нефтяные компании лишь до определенной степени могут считаться российскими, поскольку значительные активы у них за рубежом. На некоторых важных рынках внутри России практически полностью доминируют зарубежные компании – это фармацевтическая продукция, продукция ряда машиностроительных отраслей, легкой промышленности. Тем не менее одной из основных тенденцией развития российской экономики в последние полтора-два десятилетия было постепенное вытеснение доминирующего зарубежного бизнеса на внутренних рынках. Этому

---

¹⁰ См.: Блохин, А.А. (2002), *Институциональные условия и факторы модернизации российской экономики*, МАКС-ПРЕСС, М., 202 с.

Блохин, А.А. (2007), “Раздел 3. Институциональные условия и факторы экономического развития”, *Прикладное прогнозирование национальной экономики: учебное пособие*, под ред. В.В. Ивантера, И.А. Буданова, А.Г. Коровкина, В.С. Суягина, Экономистъ, М.

Блохин, А.А. (2016), “Глобальная экономика в переходном состоянии”, *Экономические стратегии*, № 5, с. 30-43; продолжение в № 6, с. 6-19.

способствовала консолидация крупного бизнеса во многих отраслях, включая химию, ритейл, АПК, судостроение и другие.

Существенную поддержку конкуренции с зарубежным бизнесом за внутренние рынки и некоторые внешние оказывало развитие государственного сектора. Обычно на рынках совершенной конкуренции госсектор оказывается менее эффективен, чем частный. Однако именно в условиях доминирования зарубежных ТНК на отечественных рынках государство превратилось в сопоставимого этим компаниям по масштабу и влиятельности экономического игрока и могло оказать нужную политическую и регуляторную поддержку российским крупным компаниям. При этом вопрос на перспективу – нужно ли будет сохранять высокую роль государства в экономике по мере преодоления внешнего доминирования, пока остается открытым.

Важной особенностью российской экономики стало то, что многие ее посреднические сектора были частично защищены от экспансии зарубежного бизнеса. Так, банковский и страховой сектора в значительной мере остались российскими, несмотря на заметное лоббирование зарубежных институтов. Крупнейшая глобальная компания в сфере ритейла Walmart пробовала зайти на российский рынок, но ей помешали это сделать. Компании Биг-Фармы практически полностью захватили розничный рынок лекарств, но пока не смогли занять доминирующие позиции в сегменте госзакупок. При этом на фондовом, валютном, инвестиционном рынках, в аудите и консалтинге, в сфере российской внешней торговли зарубежные компании сумели занять доминирующие позиции.

Такое положение существовало до 2022 года, а в связи с объявлением санкций в отношении России стало меняться в сторону ослабления внешнего доминирования. Снижение внешнего доминирования идет как по линии передачи активов зарубежных собственников, так и перестройки посреднической системы, которая оказалась вполне жизнеспособной и обеспечила поддержание целостности многих российских секторов и рынков и их адаптацию к новым условиям и возможностям. При этом сохраняется пока значительный внешний контроль над финансовыми потоками и активами крупнейших российских корпораций, работающих на внешних рынках. В ходе санкционной и антисанкционной политики 2022 года российский посреднический, прежде всего, финансовый сектор был «огорожен» дополнительными барьерами для движения капитала. Эти барьеры не стали непроницаемыми, но финансовые потоки по ним идут с большим «трением», которое может «усилиться».

В результате российская посредническая система оказалась в значительной мере изолированной от глобальной посреднической системы. Риски глобального кризиса связаны для нее с потерей части активов, но не с разрушением посреднической инфраструктуры. Поэтому при его наступлении целостность внутренней экономики не будет утрачена. Риски разрывов цепочек поставок, неплатежей, обесценения активов, сопровождающие глобальный кризис, проявятся во внешней экономике гораздо сильнее, чем внутри. Период восстановления жизнеспособности экономики после него в России может оказаться заведомо короче, чем в «развитых экономиках».

Таким образом, глобальный кризис, конечно, окажет заметное негативное влияние на российскую экономику, но в России он проявится, вероятно, слабее, и выход из кризиса здесь произойдет быстрее, поэтому он может получиться более «мощным» на фоне затяжной депрессии на внешних рынках, а также открывающихся возможностей приобретения российскими «игроками» дешевых активов и ключевых компетенций на внешних рынках.

Выводы

Теория экономического доминирования в многоуровневой экономике позволяет объяснить логику институциональных трансформаций в экономике с точки зрения возникновения институциональной ренты как доходов бизнеса, имеющего институциональные преимущества по сравнению с другими.

Результатом устойчивых институциональных преимуществ становится расслоение экономики по уровням качественно различающегося бизнеса, которые в работах автора предложено называть: альфа-бизнес, бета-бизнес и гамма-бизнес. Их различие в степени доминирования, первые влияют на изменение институтов (создают институты), вторые

пользуются отдельными институциональными преимуществами и масштабируют выигрыши от них, третьи – это все остальные компании. Такое расслоение может начаться как рыночная конкуренция за доступ к качественным ресурсам, но закрепляется институционально, а затем, в той мере, как крупнейший или крупный бизнес могут воздействовать на институты, усиливается благодаря их «инвестициям» в создание нерыночных преимуществ и появлению (углублению) барьеров входа в более привилегированные зоны рынка.

Формирование устойчивой иерархии в экономике ведет к количественным и качественным искажениям целей бизнеса, сигналов рынка, издержек, а следовательно, приоритетов инвестиций, кредитования, то есть устанавливает новые механизмы перераспределения общественного богатства, в том числе в пользу рентоискательства и в ущерб традиционно понимаемой экономической продуктивности. Если при этом собираемая доминирующими структурами институциональная рента расходуется на развитие рынков, сфер деятельности, технологический или иной прогресс в экономике, то ситуация остается равновесной. В противном случае доминирование становится инструментом «несправедливого» и все более осуждаемого обществом обогащения, снижающим общую эффективность экономики. Тогда риски ее системного кризиса нарастают.

В статье показано, что процессы расслоения экономики по уровням иерархии, а также риски ее перехода от слабого к системному доминированию и кризису определяются в первую очередь посреднической системой. Сама она проходит при этом стадии от простого единичного посредничества к интегрированному и далее к посреднической монополии. Утверждается, что именно этот переход привел к разрушению советской экономики, а также что глобальная экономика приходит в такое же состояние системного доминирования и посреднической монополии.

Соответственно, предстоящий кризис глобальной экономики отличается по масштабу и глубине от того, который может произойти в российской экономике. Первой предстоит пройти через разрушение посреднической монополии и реформирование цепочек поставок, гиперинфляцию в «развитых» странах, распродажу активов по бросовым ценам, паузу в технологическом прогрессе и другие негативные последствия, аналогичные тем, которые пережила российская экономика в 90-е годы. Кризис российской экономики при этом будет определяться тем, насколько она встроена в доминирующие системы западной экономики, а в какой мере сумела создать целостные воспроизводственные контуры, независимые от глобальных. Представляется, что российский кризис будет слабее и менее длительным, чем в глобальной экономике, а выход из него наступит раньше.

Литература / References

1. Указ Президента Российской Федерации № 229 от 31 марта 2023 г. «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации», доступно по адресу: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAycLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae.pdf> (Дата обращения 08.04.2023). [Decree of the President of the Russian Federation No. 229 of March 31, 2023 «On the approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation», available at: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAycLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae.pdf> (Accessed 08.04.2023)].

2. Аузан, А.А. и др. (2011), *Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория: Учебник*, ИНФРА-М, М., 447 с. [Auzan, A.A. et al (2011), *Institutional Economics: New Institutional Economic Theory: Textbook*, INFRA-M, Moscow, 447 p.].

3. Балацкий, Е.В. (2022), «Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий», *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, т. 15, № 4, с. 42-59, DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.3>. [Balatsky, E.V. (2022), «Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: Accumulation of global contradictions», *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 15, no. 4, pp. 42-59, DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.3>].

4. Бурдьё, П. (2005), *Социальное пространство: поля и практики*, пер. с фр. /сост. общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко, Алетея СПб.; Институт экспериментальной социологии, М., 576 с. [Bourdieu, P. (2005), *Social space: fields and practices: Trans. from French*, trans. with fr. /

comp. total. ed. trans. and afterword by N.A. Shmatko, Aleteya, St. Petersburg; Institute of Experimental Sociology, Moscow, 576 p.].

5. Глазьев, С.Ю. (2016), *Последняя мировая война. США начинают и проигрывают*, «Книжный мир», М., 505 с. [Glazyev, S.Yu. (2016), *The Last World War. The USA starts and*, «Book World», М., 505 p.].

6. Доклад Стиглица (2010), *О реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса*, Доклад Комиссии финансовых экспертов ООН, пер. с англ. Ю.М. Юмашева, Междунар. отношения, Москва, 328 с. [The Stiglitz (2010), *Reforming the international monetary and financial systems in the wake of the global crisis*, Report of the UN Commission of Financial Experts, translated from the English by Yu.M. Yumashev, International Relations, Moscow, 328 p.].

7. Капелюшников, Р.И. (2017), “Неравенство: как не примитивизировать проблему”, *Вопросы экономики*, № 4, с. 117-139. [Kapelyushnikov, R.I. (2017), “Inequality: how not to primitivize the problem”, *Economic Issues*, no. 4, pp. 117-139].

8. Клейнер, Г.Б. (2004), *Эволюция институциональных систем*, Наука, М., 240 с. [Kleiner, G.B. (2004), *Evolution of institutional systems*, Nauka, M., 240 p.].

9. Котликофф, Л. и Бернс, С. (2005), *Пенсионная система перед бурей: То, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны*, пер. с англ., Альпина Бизнес Букс, М., 348 с. [Kotlikoff, L. and Berns, S. (2005), *The Pension System Before the Storm: What Everyone Needs to Know About Financial Future of the Own Country*, translated from English., Al'pina Biznes Buks, Moscow, 348 p.].

10. Лагунцов, И.Н. (2022), “Как доминировать на локальном рынке, не имея собственного производства”, *Микроэкономика*, № 1, с. 56-65, DOI: <https://doi.org/10.33917/mic-1.102.2022.55-65>. [Laguntsov, I.N. (2022), “How to dominate the local market without having your own production”, *Microeconomics*, no. 1, pp. 56-65, DOI: <https://doi.org/10.33917/mic-1.102.2022.55-65>].

11. Манченко, М.А. (2020), “Рынок экспресс-доставки сквозь призму экономического доминирования”, *Логистика*, № 5, с. 9-15. [Marchenko, M.A. (2020), “Express delivery market through the prism of economic dominance”, *Logistics*, no. 5, pp. 9-15].

12. Моборн, Рене и Ким Чан, В. (2020), *Стратегия голубого океана. Как найти или создать рынок, свободный от других игроков*, Издательство: Манн, Иванов и Фербер, М., 336 с. [Mauborn, Rene and Kim Chan, V. (2020), *The strategy of the Blue Ocean. How to find or create a market free of other players*, Publisher: Mann, Ivanov and Ferber, M., 336 p.].

13. Основные направления единой денежно-кредитной политики на 2022 год и период 2023 и 2024 годов (2022), Банк России, доступно по адресу: [https://cbr.ru/Content/Document/File/126064/on_project_2022\(2023-2024\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/126064/on_project_2022(2023-2024).pdf). [The main directions of the unified monetary policy for 2022 and the period 2023 and 2024 (2022), Bank of Russia, available at: [https://cbr.ru/Content/Document/File/126064/on_project_2022\(2023-2024\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/126064/on_project_2022(2023-2024).pdf)].

14. Перру, Ф. (1961), *Экономика XX века*, М. [Perroux, F. (1961), *The economy of the XX century*, M.].

15. Радаев, В.В. (2001), “Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы”, *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 4, № 3, с. 109-130. [Radaev, V.V. (2001), “A new institutional approach: building a research scheme”, *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 4, no. 3, pp. 109-130].

16. Райнерт, Э.С. (2011), *Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными*, пер. с англ. Н. Автономовой, под ред. В. Автономова, Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, М., 384 с. [Reinert, E.S. (2011), *How rich countries became rich, and why poor countries remain poor*, translated from English by N. Autonomova, edited by V. Autonomov, Publishing House of State University – Higher School of Economics, Moscow, 384 p.].

17. Стиглиц, Дж. (2015), *Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему*, Эксмо, Москва. [Stiglitz, J. (2015), *The price of inequality. How the stratification of society threatens our future*, Eksmo, Moscow].

18. Флигстин, Н. (2013), *Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века*, пер. с англ. А.А. Куракина, под науч. ред. В.В. Радаева, Издательский дом Высшей школы экономики, Москва, 392 с. [Fligstin, N. (2013), *Architecture of*

Markets: Economic Sociology of Capitalist Societies of the XXI century, translated from the English by A.A. Kurakin, edited by V.V. Radaev, Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, 392 p.]

19. Цветков, В.А. (2011), *Корпоративный бизнес: теория и практика: Монография*, Нестор-История, СПб., 504 с. [Tsvetkov, V.A. (2011), *Corporate urgencies: theory and practice: Monograph*, Nestor-History, SPB., 504 p.]

20. Часовиков, М.А. (2021), “Аутсорсинг печати: локальный рынок с глобальным доминированием”, *Экономические стратегии*, № 4, с. 136-141, DOI: <https://doi.org/10.33917/es-4.178.2021.136-141>. [Chasovikov, M.A. (2021), “Outsourcing of printing: a local market with global dominance”, *Economic strategies*, no. 4, pp. 136-141, DOI: <https://doi.org/10.33917/es-4.178.2021.136-141>].

21. Шаститко, А.Е. (2002), *Новая институциональная экономическая теория*, 3-е изд., перераб. и доп., Экон. факультет МГУ, ТЕИС, М., 591 с. [Shastitko, A.E. (2002), *New institutional economic theory*, 3rd ed., reprint. and additional, Faculty of Economics of Moscow State University, THEIS, M., 591 p.]

22. Яковец, Ю.В. (2020), *Глобальный цивилизационный кризис – 2020 – старт новой исторической эпохи. Научный доклад. Приложение. Новая периодизация истории и будущего цивилизаций, капитализма и социализма*, МИСК, М. [Yakovets, Yu.V. (2020), *The global civilizational crisis – 2020 – is the start of a new historical era. Scientific report. Application. A new periodization of the history and future of civilizations, capitalism and Socialism*, MISK, M.]

23. Frederickson, H. George, Smith, Kevin B., Larimer, Christopher W. and Licari, Michael J. (2012), *The public administration theory primer*, 2nd ed., Chapter 2. Theories of Political Control of Bureaucracy, Published by Westview Press A Member of the Perseus Books Group, 274 p.

24. Perroux, F. (1950), “The domination effect and modern economic theory”, *Social Research*, vol. 17, no. 2, pp. 188-206.

Об авторе

Андрей Алексеевич Блохин, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН; профессор Финансового университета при Правительстве РФ, Москва.

About author

Andrey A. Blokhin, Doctor of Sci. (Econ.), Principal Researcher of Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow.